

СЕРИЯ
Родина Зовёт!

Премия им. Александра Трифоновича Твардовского

БЛАГОВЕСТ

АНТОЛОГИЯ ДУХОВНОСТИ И ПАТРИОТИЗМА

Премия им. Архангела Гавриила

Сборник
Елена Кувшинова
Благовест. Антология
духовности и
патриотизма. Премия
им. Архангела Гавриила
Серия ««Родина Зовёт!»
Премия им. А. Т. Твардовского»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69611452
Благовест: антология духовности и патриотизма. Премия
им. Архангела Гавриила / Составитель: Елена Кувшинова:
Интернациональный Союз писателей; Москва ; 2023
ISBN 978-5-6049609-0-5

Аннотация

Человек не может жить только материальными интересами: как бы он ни обеспечил себя всем, в чём нуждается и чего хочет, ему обязательно будет чего-то не хватать, того, что лежит вне земных категорий и называется духовным.

Никто из нас не появляется ниоткуда, у каждого есть корни, семья и родные места, традиция, в которой он воспитан.

Духовность и патриотизм – две стороны одного и того же явления. Любовь к Родине горит в сердце, несмотря на все трудности жизни, потому что она важнее всех житейских интересов, выше богатства и бедности, комфорта и неустроенности. Человеческая душа стремится к чему-то большему, чем земное, потому что рождена для неба.

«Антология духовности и патриотизма» объединяет два начала, которые вместе составляют человечность.

Содержание

Предисловие	8
Вадим Корнеев	12
Катехон. Будет ли сломлена Российская Империя?	12
Йорген	16
Луганский реквием	16
«Я умею быть беспощадным...»	18
«Мне молиться поздно, да и некому...»	20
«Я снова больше не у дел...»	21
«Когда настанет момент и предъявлен счёт...»	22
Пуля	24
Герасим Аникин	25
Гордость и боль	25
Фронтовики	38
Полковник	38
Анатолий	41
Тыл	51
Харитина	53
Не возвращай обиду	57
Купе	60
So	63
Покаяние	64
Ностальгия	66

«Человек формируется сложно...»	67
Подснежник	67
Три феи	69
Любовь и честь	73
Карниз	74
Сестрёнка	75
Ленинград	76
«Ты Петербургом ныне стал...»	77
Мы есть	78
Музыка	79
«Красота с небывалою силой...»	81
Красота спасает мир	82
Признаюсь честно	83
Мы не ведаем	84
Татьяна Георгиева	86
Верю в вас	86
В меру счастья	88
Светлой памяти Дарьи Дугиной	90
Преодоление	91
Рядом	93
Время мужества	94
Высокой синью...	95
Утро	96
Ольга Грибанова	97
Белая ночь	97
Конец ознакомительного фрагмента.	102

**Благовест: антология
духовности и
патриотизма. Премия
им. Архангела Гавриила
Составитель
Елена Кувшинова**

Родина Зовет! Премия им. А.Т. Твардовского

© Интернациональный Союз писателей, 2023

Предисловие

Бывают времена, когда человек видит, как он думает, выгодные перспективы, и перестаёт замечать что-либо другое. Он спешит порадовать себя приятными и полезными материальными благами, ищет возможностей для самосовершенствования и просто ловит удачный момент, чтобы этих благ было больше, а добывались они легче.

При этом его мало заботит то, что кроме тела у него есть и душа. Не думает он и о стране, которая его вырастила. Человека волнует собственное благополучие.

Но странное дело: душа не насыщается материальным благополучием и ищет чего-то другого. Да и благополучие оказывается не таким уж устойчивым, когда трудно родной земле.

И снова становятся ценными и важными патриотизм – любовь к Родине, духовность – устремление к чему-то, что не исчерпывается земными ценностями. Патриотизм – пожалуй, одна из её граней, ведь восхищение красотой родного города, щемлящая нежность к улочкам детства – это не то, чему можно назначить твёрдую цену.

С чего, интересно, начинается патриотизм? Возможно, с самого малого круга, с любви к своей семье, а значит, с уважения к старшим. Это становится одной из центральных тем творчества Алишера Зиё, который через поэтические зарис-

совки и притчи напоминает старую истину своим читателям.

Ирина Ракша ведёт рассказ в прозе, в форме воспоминаний, воспроизводя внимательный взгляд ребёнка, которому довелось встретиться не просто со «старшими, которых нужно уважать», а с защитниками Родины, об уважении к которым никому напоминать не нужно.

Или, как замечает Василий Ловчиков, не то что не нужно, а скорее бесполезно. Его литературно-музыкальная композиция посвящена Второй мировой войне, когда союзники сначала воспользовались плодами Победы, которой во многом были обязаны Советскому Союзу, а затем вместо помощи начали новое противостояние – уже ядерное.

Многие авторы обращаются к теме Великой Отечественной войны, которую мы до сих пор называем просто – «война», так же как и победа в ней – просто «Победа». Герасим Аникин представляет читателям очерки о военном и послевоенном времени, в которых соединяются гордость, печаль и стыд перед теми, кому даже современники оказались недостаточно благодарны. О ветеранах с трепетом и почтением вспоминает Елена Тверская. О преемственности Вечного огня говорит Лада Кушниковская. Павел Хробостов рисует великую преемственность – от Куликовской битвы к Бородинской, от неё – к Сталинграду. Его герои вымышлены, но реальны, как тысячи солдат, защищавших Родину испокон века.

Но от давних событий нужно обратиться к современно-

сти. Мы знаем о происходящих событиях, но под пером авторов они звучат по-новому. Николай Росс представляет стихи, объединённые в цикл, в которых говорит о происходящем голосами разных героев. Татьяна Павлоцкая словно фотографирует время, создавая стихотворные очерки. Виталий Демченко с оптимизмом рисует будущее России, Йорген, напротив, с ужасом смотрит на настоящее, на боль, от которой хотелось бы отвернуться, но нельзя – это будет постыдным малодушием. Анатолий Обьедков объединяет события прошлого и настоящего, и в этом он не одинок:

близкую тему затрагивает Алексей Сенецкий. Татьяна Георгиева в стихотворении «Преодоление» раскрывает душу человека, уничтожающего в себе всякую трусость во имя долга и веры. О том же с грустной иронией рассказывает в своей повести Алибек Таиров – потому что есть вещи, совершая которые нельзя чувствовать себя не только мужчиной, но и человеком.

Казалось бы, есть ли место в тревожную пору любованию красотой или философским раздумьям? Да, есть! И даже больше, чем в более спокойное время. Ольга Грибанова воспевае любимый Петербург, коронуя его венком сонетов, Виталий Шейченко размышляет о вечном, Валерий Грунер, обличая зло и ложь, не забывает напомнить об истинных ценностях, а Александр Ефимов обращается к Богу и небу.

Очерк Вадима Корнеева объединяет патристическое и духовное начала, поскольку Россия для него – Катехон, послед-

ний рубеж, удерживающий сатану от прихода к власти. Идея немного тревожная, побуждающая задуматься не только о будущем, но и о своей личной ответственности.

А дочитав книгу, понимаешь, что патриотизм и духовность на самом деле – единое целое. Тот, кто любит Родину и готов жертвовать ради неё собой, оставил в стороне материальные соображения. Тот, чьи духовные потребности не может удовлетворить земное, на самом деле всем сердцем любит небесное отечество, для которого сотворён каждый человек.

Вадим Корнеев

Россия

Катехон. Будет ли сломлена Российская Империя?

Отрывок из презентации трилогии

*...Тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь.
Апостол Павел*

Катехон, или удерживающий... Христианская империя, препятствующая пришествию на землю сына сатаны.

Россия, за считанные годы совершенно невообразимым образом почившая в бозе и воскресшая из пепла прямо на наших глазах, при всех минусах нашего существования, вопреки нашему жестоковейному сопротивлению, уже не предположительно, а по факту происходящих в мире событий вновь стала катехоном, который изо всех сил будут стремиться разрушить.

Два ключевых слова последней главы – «язычники» и «содомиты». В язычество вернулся весь современный мир, не

считая отдельных вкраплений. От того, выдержат ли битву с язычеством христиане, мусульмане и иудеи, ещё оставшиеся верными Богу, зависит дальнейшая судьба мира. И происходит она в первую очередь не на полях сражений, а в душах людей.

Западный постхристианский мир уже давно занялся богоборчеством, что в конце концов привело его к человеконенавистничеству. И не могло не привести. Потому что главным человеконенавистником является сатана, который и противостоит Богу.

Хочу обратить внимание просвещённой публики, что слово «содомиты», используемое в книге, следует трактовать не поверхностно, как это принято в многочисленных толковых словарях русского языка, а так, как это делают Библия и Церковь: «Выражение лиц их свидетельствует против них, и о грехе своём они рассказывают открыто, как Содомляне, не скрывают: горе душе их! Ибо сами на себя навлекают зло», – пророчествует Исаия, вскрывая в этой фразе самую суть содомского греха – его бесстыдную публичность.

Однако и этого преступления перед Богом западной элите показалось мало, и она занялась распространением извращений среди детей. «Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому было бы лучше, если бы мельничный жёрнов повесили ему на шею и утопили его в пучине морской», – предупреждает Иисус Христос в Евангелии.

У меня нет сомнений в том, что мы являемся свидетелями

библейского противостояния между падшей западной цивилизацией и Россией, где наша страна выступает оружием в руках Бога, хотя сама она этого пока даже не осознаёт.

Чужих детей не бывает – эта фраза появилась в годы Великой Отечественной войны. Россия и Украина тогда в едином Союзе боролись против нацизма в Европе, спасая от него не только своих, но и европейских детей. А теперь нацизм – ещё одна богоборческая, человеконенавистническая идеология – завоёвывает не только Украину, но и Европу с её якобы внезапно вспыхнувшей ненавистью ко всему русскому. Стоит ли удивляться, что язычники, нацисты и содомиты – это зачастую одни и те же люди?

Почему Украина теперь оказалась по другую сторону баррикад? Потому что вера в языческого золотого тельца оказалась сильнее веры в Бога. А вот ответ на вопрос о том, почему Европа опять воюет с Россией, не вызывает у меня ни удивления, ни сожаления: потому что она, теперь уже под прикрытием якобы либерализма и якобы демократии, вновь занялась богоборческими, человеконенавистническими экспериментами над людьми, к которым наша страна не захотела присоединиться.

И вот что я хочу сказать в этой связи: западную цивилизацию, несомненно, ждёт ещё множество сюрпризов. «Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит», – говорит Бог.

Если Украина нуждается в денацификации, то России необходима дерабизация, так как наша страна на протяжении многих десятилетий является ментальным рабом постхристианской западной культуры. Если Россия не станет нравственно сильной, она погибнет. А если станет – привлечёт к себе весь мир.

Между тем в нашей стране наконец-то начинает появляться государственная идеология. В начале ноября 2022 года президент России Владимир Путин подписал указ о государственной политике в области традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей. Она не только предусматривает формирование на мировой арене образа России как их хранителя и защитника, но и обязывает её противодействовать деструктивной идеологии. В противовес всепобеждающему обществу потребления документ закрепляет приоритет духовного над материальным.

Наша страна всё-таки встала на путь превращения из бумажного в реального катехона, удерживающего мир от окончательного падения в пропасть.

Йорген Украина

Луганский реквием

Был день как день. Над городом – жара.
Мы с пляжа шли, и было пить охота.
Смеялась где-то в парке детвора,
Но выстрелил из гаубицы кто-то...
И разорвалось время в тот же миг
На жизнь и смерть, точней, на «до» и «после».
Я навсегда запомню этот крик
И этот жёсткий раскалённый воздух...
Мы хоронили малышей без слов,
А слёзы высыхали в эту спеку,
И тяжелее лёгких тех гробов
Не поднимали руки человека...
Пускай с судьбой мы были не в ладах,
Мы верили, что где-то бродит счастье,
Но вот в закрытых прятали гробах
Тела детей, разорванных на части.
А тишина звенела у виска,
И батюшка стоял со мною рядом
И прятал крестик своего сына,

Убитого на улице снарядом.
В то лето мы запомнили жару,
А остальное навсегда забыли.
В Луганске хоронили детвору,
Хотя мы там себя похоронили...
Я не боюсь, что смерть меня найдёт.
Пусть где-то ждёт она меня на свете.
Но пусть сначала этот гад умрёт,
Который может выстрелить по детям.

«Я умею быть беспощадным...»

Я умею быть беспощадным.
Я бросаю слова, как нож...
На войне, которая рядом,
На которую ты зайдёшь
Мимоходом, почти проездом.
Будь готов получить сполна
Хоть своё, хоть чужое. Если
Ты зашёл, то пойми – война!
Здесь не смотрят, кому ты верил.
Здесь до фени, куда ты брёл.
Здесь всё просто – прицел отмерил
И расчёты все произвёл.
Здесь война. И распустишь сопли —
Сразу можешь ложиться в гроб.
Потому что сердца засохли,
Коллиматор отметил лоб.
Ну а если пометил лазер
Твою голову хоть разок,
Значит, ты предельно опасен,
И взведён потому курок...
Я привык ходить осторожно
И ударить готов в ответ.
Говорят, что теперь возможно
Спать спокойно. За много лет
Я лишь к брани привык площадной.

Не найдя лица́ среди рож,
Я умею быть беспощадным.
Я бросаю слова, как нож!

«Мне молиться поздно, да и некому...»

Мне молиться поздно, да и некому,
Бог ведь не спасёт и не простит.
Я один на свете и поэтому
Верю, что заранее убит.
Но поэты по этапам адovým
Маются, изрезав жизнь свою.
И меня так редко что-то радует,
Потому что вечно на краю
Я стою и, пустотой наполненный,
Словно бомба, болью начинён.
Очень трудно оставаться бомбой мне,
Но я не прощён и не спасён.
Впереди пустыня, сзади пропасть,
Лишь
Справа, слева – выжженная даль.
Сердце словно бешеные лопасти.
Ничего не надо и не жаль...

«Я снова больше не у дел...»

Я снова больше не у дел
И, как мне кажется,
Мишенью новой на прицел
Попал вдруг вражеский.
Я столько песен перепел,
Пора и реквием.
На мушке я, как перепел,
Никто не внемлет мне,
Судьба меня навывлет бьёт,
И пули выются всё,
Как только я иду на взлёт.
То революции,
То войны, то теракты, блин!
То эпидемии,
И снова я совсем один
В своём падении,
Хотя свободно на душе,
Но миг не радуется,
Ведь я всю жизнь вот так уже
Свободно падаю.
Пускай свободен мой полёт,
Но скоро кончится.
Судьба меня навывлет бьёт
И рожи корчит мне.

«Когда настанет момент и предъявлен счёт...»

Когда настанет момент и предъявлен счёт,
Мы часто не знаем, откуда так много цифр,
Но время, словно песок, меж пальцев течёт,
И я удивляюсь порой, как ещё я жив.
И хламом ненужным лежат на столе дела,
Которые должен был сделать.
Из всех окон
Вчерашней золой в очаге сгоревший дотла,
Развеется по ветру мой нерождённый сон,
Лишь сны окружают меня, сжимая кольцо.
И мой нерождённый сын снился мне вчера,
Я утром с трудом вспоминаю своё лицо.
Никто не напомним, что я с утра перебрал,
Что я переделал и перелопатил вновь,
Но память в прорехах, и вспомнить мне не дано,
Когда поменял привязанность на любовь
И сам привязал себе камень, и с ним на дно
Ушёл,
А когда вернулся, не стал считать
Потери, потёртости, почести, по частям
Мы можем себя порой только раз собрать
И счёты сводить только раз,
Из души весь хлам

Поганой метлой выскребать, чтоб начистоту
Всё высказать, выкричать, выбросить и забыть,
Потом надолго уйти в себя,
В пустоту,
Смотреть,
Ненавидеть,
Не видеть
И тихо выть.

А после на пепелище былых надежд
Чуть-чуть наскрести добра, чтоб оттаял лёд.
Кусочек удачи чёрствой пускай несвеж,
Но в этот голодный год всё же он спасёт.

Пуля

Я – пуля на излёте,
Летящая во тьму.
И нет в моём полёте
Ни сердцу, ни уму
Ни цели и ни места,
И нет пути назад.
Везде в полях окрестных
Такие же лежат.
Я упаду куда-то,
Лететь недолго мне.
Я – рядовая дата
Не на своей войне.

Герасим Аникин

Россия

Гордость и боль

Отрывок из повести

Войны и подготовка к ним занимают значительное место в общем объёме жизнедеятельности человечества. Они с позиции привыкшего ко всему человека воспринимаются так же обычно, как поиски пропитания, необходимость сна и даже продолжение рода. Проснувшись утром, можно без сомнений в ответе поинтересоваться: «Они там уже воюют или всё ещё готовятся?» За обедом задать вопрос: «А какое сейчас соотношение сил и средств конфликтующих сторон на фронте и в целом?» Во время вечернего моциона бывает интересно обсудить: «Как оценить реально достигнутые успехи в войне и в разработке новой техники для её ведения, если они, скорей всего, не соответствуют действительности?» Ну и крайне удивиться сну, в котором приснилось сообщение: «Неприятель предлагает прекратить войну и начать мирные переговоры».

Ничем в этом плане не отличается Россия от других стран. Если посчитать все войны и «войнушки», в которых она

участвовала только в двадцатом веке, пальцев рук точно не хватит. Конечно, во многом это связано с наследством от предков в виде громадной территории с несметными природными богатствами. И кому же не захочется откусить от этого кажущегося несправедливо полученным пирога? Или хотя бы заставить «добровольно» платить за такие блага. А Россия, естественно, сопротивляется таким попыткам, что со стороны «друзья» могут интерпретировать как насильственное удержание не только территорий, но и некоторых народов от самоопределения. Кроме того, полученное наследство приводит к вере в полную самодостаточность страны и на этой основе формирует у россиян желание продемонстрировать способность противостоять любому внешнему давлению, показать, какие они справедливые при защите слабого, какие безгранично и бесшабашно добрые, какие умные при решении спорных вопросов. Укрепляется мнение, что весь мир может брать с них пример и следовать ему. Но ведь в мире есть и другие представления об организации международных отношений. Только Россия никак не может влиться в организованную и юридически оформленную структуру однополярного мира. В этом случае первостепенное значение должна бы иметь эффективная работа дипломатии. Но ушло время мудрых дипломатов, и страдает от этого страна.

Трудные времена, как бывало не раз, переживает сейчас Россия. Проанализируйте её историю – и вы увидите, что

часто яркие победы и достижения чередуются с длительными периодами глубоких экономических и политических проблем. Страна периодически сотрясалась внутренними и внешними неблагоприятными факторами с отрицательным влиянием на условия жизни и благосостояние её населения.

Одним из последних наиболее значимых исторических этапов, заключающихся во внешней интервенции, была Вторая мировая война, которая сделала Россию центром событий, поэтому называется в ней Великой Отечественной войной. Да, Россия – победитель, но какой ценой! Миллионы погибших, разрушение экономической инфраструктуры, существование на грани выживания – всё это легло тяжёлым бременем на плечи оставшихся в живых, запечатлелось в их исторической памяти. И они были готовы переносить все тяготы как непосредственно военного, так и восстановительного периода с надеждой: «Лишь бы не было войны!».

Но прошло время. Поколение трудных лет интенсивно сокращается по численности. А послевоенная молодёжь, смотря фильмы о войне, с увлечением наблюдая, какими умными, ловкими и бесстрашными были герои прошедших лет, восхищается и гордится ими, не чувствуя сопровождающей все те события боли, наполнявшей сердца не только фронтовиков, но и тех, кто был вдали от непосредственно боевых действий. То есть гордость и боль – сочетающиеся стороны Великой Отечественной войны.

Что касается гордости, то её демонстрацию со значитель-

ной стабильностью в последние годы выполняют парады Победы. Но, проанализировав хронологию, можно убедиться, что отношение к ним со временем значительно менялось. После первого Парада 1945 года следующий проходил только через двадцать лет. И, казалось бы, нет здесь ничего удивительного, необъяснимого. Стране было не до парадов, надо было восстанавливать разрушенное, создавать новое. Однако не менее важной особенностью того времени были свежие раны от утраты погибших. Очевидно, именно поэтому официально с 1947 года 9 мая стал не выходным, а обыкновенным рабочим днём. Никаких парадов, чтобы не тревожить память и празднование победы не стало коллективными поминками всех не возвратившихся с войны. А поскольку это коснулось большинства семей в стране, то фактически девятому мая соответствовало бы название «День всеобщего траура».

Затем следует ещё двадцатилетний перерыв в праздниках, до 1985 года. Тут и без парадов волнений хватало: частые смены руководителей, изменяющееся направление развития страны, экономические проблемы. Всё это сдерживало стремление поразить сограждан и зарубежных наблюдателей чётким строем и невиданной военной техникой. Но с 1995 года парады Победы неожиданно стали практически ежегодными, с незначительным количеством пропущенных лет.

Не менее важными составляющими гордости Победой яв-

ляются патриотические фильмы и публикации, а также популяризация с периодическим награждением орденами и медалями оставшихся в живых участников войны.

Ну а боль утрат, лежащая тяжёлым камнем на сердцах живущих и помнящих то время людей, отражается в возложении венков к Могиле Неизвестного Солдата. Конечно же, это связано со всеобщей признательностью потомков тем, кто отдал жизнь за свободу Родины, за их коллективный подвиг. Аналогичные чувства возникают и при возложении цветов к памятным знакам городов-героев.

Большую популярность приобрело движение «Бессмертный полк», и оно прежде всего демонстрирует опосредованную сопричастность живущих к победе над врагом: «Смотрите, мой дед, отец, родственник принимал участие в героических событиях того времени. Его нет в живых, но я продолжаю гордиться им». Непременно при большом количестве участников этого мероприятия возникает чувство солидарности чествующих на основе общей скорби о всех погибших. И оно, являясь общим для собравшихся, в целом воспринимается как важное общегосударственное явление, утверждающее то, что в единстве можно решать задачи любой сложности, включая судьбоносные.

А вот боль утраты не может быть коллективной. Невозможно переживать за неизвестного человека без знания, какой вклад он внёс в Победу и кто он в общечеловеческом плане. Конечно, персональная боль потери близкого при ор-

ганизации «Бессмертного полка» подразумевается как внутреннее чувство несущего портрет к своему герою. Да, действительно, человек погиб за общее дело во время войны, выполняя поставленную ему задачу или определённую функцию, и какая при этом разница в частностях. Однако боль утраты – это индивидуальное чувство, переживаемое кем-то лично или группой близких людей по поводу конкретной, известной во многих деталях личности. И в этом случае никакая коллективность не может заменить состояния души скорбящих, глубины восприятия событий и остроты их оценки.

Всё как положено: парады,
Салюты дивной красоты,
Живым участникам – награды,
Героям-городам – цветы.

И Неизвестному Солдату
За всех, исполнивших свой долг, —
Венок. А личную утрату
Напомнит нам «Бессмертный полк».

Здесь орденов иконостасы,
Отметив у штабов успех,
Не выделяются из массы:
«Ведь подвиг же один на всех».

Всё демонстрирует Победу,

Единства мощные черты.
Но есть незыблемое кредо:
Скорбь не приемлет суеты.

Она в свече перед портретом,
Омытым горькою слезой.
И ляжет боль утраты этой
На гордости победный строй.

Да, действительно: Победа – одна на всех. И она в целом радость для оставшихся в живых. Вот только степень этой радости различна. Кто-то потерял при этом надежду на успешную реализацию строившихся когда-то планов. Другой лишился не просто близкого, но и единственного человека, определявшего всю предшествовавшую совместную жизнь. И как теперь без него строить какие-то планы и воплощать их? Многие молодые красивые женщины и мужчины детородного возраста лишились естественной функции – продолжения рода человеческого. Им стало недоступно самое жизнеутверждающее чувство – любить и быть любимым. И вот тут-то начинает давить и преобладать зависть к соседям, у которых мужу, жениху или невесте удалось преодолеть каким-то образом требование к призыву на фронт или избежать трагического финала жизненного пути. «А как же это получилось-то? И почему моего (или мою) так жестоко отняла судьба?!» И накладывается на общую радость победы горе личной утраты своего будущего при подспудном со-

мнении в справедливости случившегося.

А произошедшее настолько различается, что поверхностный анализ не позволяет адекватно определить причину получившегося результата. Вроде бы одновременно воевали. Были на фронте и внесли вклад в Победу. Да вот только он существенно отличается по стоимости его для человека и силе влияния на него: от морального надлома, тяжести ранения до потери самой жизни. Кроме того, воевавшие по-разному как оценивались в военное время, так и рассматриваются сейчас. Примером могут служить разные судьбы у многих, десятками встречавшихся сразу и длительно после войны. Именно их рассказы открывали многие неизвестные стороны тех лет. Например, учился вместе с автором участник штурма Берлина Юрий Любавин из города Пучежа. Удивлял тельняшкой и клёшами моряк Балтийского флота Виктор Новожилов, освобождавший прибалтийские республики. М. Максимов, Валентин Кудряшов – все они были реальными свидетелями происходивших событий и их необычности в самых различных направлениях. Но автор для последующего повествования выбрал наиболее контрастные личности с их индивидуальной судьбой. Все описанные герои имеют реальных прототипов.

* * *

Закончилась война. Победа! Информация об этом широ-

ко не распространялась, но, наверно, среди военных, особенно командного состава, отмечали этот значимый момент поздравлениями и тостами на официальных торжественных мероприятиях. А вот простой народ, как указывалось выше, переводом Дня Победы в рабочий день был лишён этого праздника. Однако отмена карточной системы распределения продуктов в какой-то степени сняла экономические ограничения на общие застолья. Возросла из-за ограничений в военное время тяга к простому общению, позволявшая снизить накопившееся за время войны нервное напряжение. Поэтому не столько отмечали победу в войне и даже не память о невернувшихся, сколько проводили психологическую разгрузку посредством укрепления ощущения свободы делать то, что было невозможно до этого. При этом стали организовывать застолья Первого мая, совмещая это мероприятие с Днём международной солидарности трудящихся, который не вспоминать на государственном уровне никак не могли.

Май чаще всего характеризуется хорошей погодой. Поэтому в небольших домах с коммунальными квартирами все жители собирались за столом, который устанавливали во дворе. При этом организационной формой празднования была складчина, когда каждая семья вносила долю в общее застолье в виде определённого количества закусок. Картошка и квашеная капуста были практически у всех, а купленные кем-то «деликатесы» оплачивались из совместного денежно-

го вклада. Основным алкогольным увеселителем в первые годы была брага. Делалась она из сахара, хлеба, дрожжей и воды за несколько дней, пилась приятно, не затягивая по времени, хмелила до состояния, когда известные песни «Степь да степь кругом...» или «Что стоишь качаясь, тонкая рябина...» исполнялись, как казалось всем, слаженно и с сердечным порывом. Но не забывали и основной тост, каковым на протяжении многих лет был «За то, чтобы не было войны!».

Но и такой вид общедомового празднования Дня Победы чуть более чем через десять лет сошёл на нет, перейдя в посемейную форму. Свидетели войны стали старше, и новые заботы ослабили воспоминания о ней как об общей трагедии. Ну а молодёжь подобного лично не испытывала и выросла в основном на рассказах о том времени, которые, естественно, субъективны и только частично отражают реальность.

* * *

Конечно, окончание войны приносило всеобщую радость, оттого что уж теперь-то не будет призыва молодых парней, чтобы направить их в бой с неизвестным результатом. Кроме того, стало преобладать в народе также чувство индивидуальной радости, когда кто-то вернулся с фронта, пусть хоть раненый, калекой, но живой. И другое чувство наполнило сердца многих – надежда. А вдруг повестка «павший в бою» или

«пропал без вести» ошибочна, а он на самом деле жив, просто лежал в госпитале в тяжёлом состоянии и не имел возможности известить об этом? А то и просто не хотел что-то сообщать, ведь было неизвестно, выживет или нет. Бывало, что и свойственная некоторым личностям гордость не позволяла отягощать близких людей своей неспособностью к нормальной жизни, работе и соответствующему материальному обеспечению семьи.

В связи с возможностью таких обстоятельств как призыв к надежде и терпению в ожидании из уст в уста передавалась байка, что пришло одной женщине извещение о муже: «Погиб смертью храбрых». Ждать уже некого. А тут оказался рядом стоящий человек. После некоторых колебаний вышла за него замуж. Но через несколько месяцев после окончания войны вернулся первый муж. Не писал заранее, чтобы сделать радостный сюрприз. Только вот оказался он совсем не радостным. Ну можно ли было знать, что кто-то спутает однофамильцев и направит извещение не по тому адресу? И что теперь делать?!

Мужики скандала не допустили. Сели за общий стол, взволнованная жена для обоих бутылку достала, закусить собрала, а сама куда-то вышла. Не сразу вспомнили о ней мужа. Пока выпили, поговорили. Да только где же она? Пошли искать. А их общая жена не выдержала результата своего поступка, казавшегося ей позором в глазах всех, продолжавших ждать возвращавшихся после демобилизации родствен-

ников, и повесилась в сарае. Ей, по натуре очень мнительному человеку, всегда чудился укор во взглядах встречавшихся женщин за её повторное замужество как за свалившееся на неё и недоступное им счастье.

Не у всех возвращавшихся с Победой были ордена или даже медали. Но не меньшую ценность имели и вызывали уважение пришитые на груди гимнастёрки чьей-то заботливой рукой полоски ткани жёлтого и красного цветов, указывавшие на ранения и их тяжесть. Две, а то и три полоски свидетельствовали о том, что вот этот-то воевавший действительно участвовал в боях, неоднократно был ранен, но возвращался снова в строй и, как говорится, действительно понюхал пороха. Полоски располагались одна над другой вертикально. И если последней была красная полоска, то становилось ясно, что ранение было тяжёлым, при котором медицинская комиссия госпиталя под контролем соответствующих органов признавала невозможность возвращения раненого в строй. Он, как говорили, комиссовался, то есть становился гражданским с возможностью ехать домой или найти работу и жить на новом месте.

* * *

После окончания войны на улицах всё чаще стали появляться мужчины разного возраста, но в общей для всех военной форме светло-зелёного цвета, хоть и без погон. Не у всех

же сохранилась дома гражданская одежда, а если и была найдена в шифоньере, то часто уже не подходила по размеру. Да и не хранить же неизношенные гимнастёрку и брюки-галифе на память в сундуке, послужат ещё. Ордена и медали повседневно мало кто носил, берегли для торжественных случаев. А вот тканевые полоски на гимнастёрке отпарывать не спешили, и они служили как бы характеристикой человека при приёме на работу. По ним было видно, что уж такой-то работник не относится к слабакам по жизни и в трудную минуту не подведёт. Так вот и стал защитный цвет одежды одной из характеристик послевоенного времени.

Фронттовики

Полковник

Особенностями увеличивавшегося контингента мужчин на улицах стали видимые результаты тяжёлых ранений. Трости, костыли, позднее протезы, тёмные очки в сочетании с поводырём – вот показатели активных участников войны.

Появился как-то на улицах города немолодой уже мужчина, чуть больше тридцати лет, с правильными, можно сказать, красивыми чертами лица. Волосы в основном тёмные, но с проседью на висках, указывающей на непростые события в жизни их владельца. Как и многие фронттовики, одет он был в военную форму без погон. Но не на это прежде всего обращали внимание все встречавшиеся с ним. Основное заключалось в том, что был он без обеих ног выше колена. Никаких колясок для перемещения таких инвалидов в то время не было. Когда и кто придумал для него и сконструировал небольшой деревянный настил, установив его на четырёх подшипниках, неизвестно. Сидя на нём с помощью двух специальных, тоже деревянных, рукояток, можно было отталкиваться ими от земли и катить в нужном направлении. Для преодоления бордюров на асфальтовых дорожках и других небольших препятствий обе оставшиеся части ног

пристёгивались к настилу ремнями, что давало возможность упором на руки поднять его на нужный уровень и продвигаться вперёд.

Основным источником официальной информации в то время было проводное радио. Чёрные рупоры висели на стенках практически во всех домах и обеспечивали население новостями всесоюзного и местного значения. А вот личные сведения поступали интересующимся людям обычно в виде слухов, передаваемых в устной форме знакомым, родственникам, соседям по дому или улице. И вот о безногом инвалиде пошли слухи, что он бывший полковник, что сам он повёл в атаку одно из подразделений, в которой потерял обе ноги. К счастью, медикам удалось спасти ему жизнь, хотя большая потеря крови и длительность доставки в лазарет не способствовали этому. Но, получив таким образом возможность существовать, он вопреки логике не обрадовался этому, а, потеряв жизненные ориентиры на будущее, решил не возвращаться домой, где у него были жена и дети. Таким образом, он не только заплатил за Победу ампутированными ногами, но и пожертвовал своим возможным благополучием в любящей семье, потеряв возможность и самому продемонстрировать своими поступками любовь к дорогим, близким людям. Конечно, все перечисленные факты в слухах не обладали стопроцентной достоверностью, но это никак не влияло на жалость посторонних к пострадавшему человеку, сопереживание с ним всей горести сложившейся ситуации.

Тяжесть морального состояния, естественно, не могла не оставить следа на поведении инвалида. Говорили, что он практически ежедневно заливает горечь своих мыслей известным в народе средством. Однако он не потерял самообладания, старался внешне не вызывать жалости у окружающих, не зарос щетиной, не появлялся на людях в грязной одежде. Было видно, что этот когда-то достойный человек никогда не унизится до безнадёжного состояния и проведёт остаток своей жизни с пониманием своего нового положения.

Достаточно долгое время инвалид на самодельной коляске показывался на улицах города, и все уже привыкли к звуку её подшипников, катящихся по асфальту, к его упорному отталкиванию от земли для продвижения только вперёд. Маршрут его поездок был практически всегда одним и тем же – от места его очевидного проживания на местный рынок. Именно там всегда было большое скопление народа. Жизнь кипела в направлениях: выгодно продать произведённое или оказавшееся сейчас ненужным и с выгодой купить для сиюминутных нужд или на перспективу. Инвалид редко что-то покупал, чаще всего махорку. Видимо, рыночная среда просто оживляла его и была необходима для осознания, что жизнь-то вокруг продолжается.

Однако через несколько месяцев его не стало видно. Говорили, что жена нашла его и забрала домой. Только это ведь слухи, часто придумываемые для хорошего конца какой-ни-

будь скверной истории. Правда это или нет, неясно. Но вот только искренне жаль, что неизвестно также, остались ли после него наследники, которые могли бы с гордостью пронести его портрет в колонне «Бессмертного полка». К нему он, несомненно, относился хотя бы только потому, что уж точно был на передовой, лишился здоровья и не потерял при этом человеческого лица. Но не меньшее уважение в этой истории заслуживает и его жена, если слухи о ней реальны, хотя в России такое не просто естественно, но и нередко. Не потерять со временем имевшиеся когда-то чувства и принять на свои плечи, возможно, длительную заботу о безнадежном инвалиде дано не каждой женщине. И дополнялась для неё общая для всех Победа торжеством высокой личной нравственности и морали над жестоким порой разумом. Для этого случая наиболее подходили бы создание и всемерная поддержка всенародного сообщества «Бессмертная любовь».

Анатолий

Вернулся Анатолий в свою деревню с небольшой задержкой после Победы, в соответствии с порядком плановой демобилизации. В отличие от многих, стремившихся закрепиться в городе, на что имели право все демобилизованные, сразу же приехал он к своей довоенной любви Сонечке. Самой красивой она была не только в школе и деревне, но и во всей округе. Чисто русское лицо, волосы светлые, стройная,

высокая, с горделивым взглядом и с мягким, приятным голосом. Многие парни своим поведением намекали ей на взаимную дружбу. Но за что именно долговязого, худощего и нескладного Анатолия предпочла она другим, красавцам, он понять не мог. Даже сомневался какое-то время, а не играет ли она с ним, чтобы разжечь чувства у другого претендента. Но, видимо, разглядела она что-то, скрытое для многих, в его характере. Возможно, надёжность в отношениях, что намного дороже для жизни, чем внешняя привлекательность.

И жизнь неоднократно подтверждала Сонину точку зрения. Вот один из случаев. Собрались несколько деревенских девчат и парней в город: на жизнь городскую посмотреть, купить что-то необходимое и красивое. Целый день по различным маршрутам мотались. Утомились уже, надо домой отправляться. Но перед отъездом подошли к ним более взрослые городские парни и стали навязчиво предлагать совместное проведение вечера. Особенно выделялся красавец с крепкими мышцами – видимо, лидер для остальных, – обративший внимание именно на Соню. Пошлые намёки и унижительные предложения привели всю деревенскую компанию в ступор. И тут неожиданно Анатолий встал между городскими и Соней. Внешне картина была пародийной: мощный здоровяк и ещё не сформировавшийся юноша стоят лицом к лицу, готовые к решению какой-то проблемы.

– Ты чего это? Давно не нюхал? – сказал лидер компании и поднёс к лицу Анатолия здоровенный кулак.

Вся городская компания ехидно захихикала.

– Отойдите, – сказал Анатолий, обернувшись к своим.

Они как бы нехотя, внутренне готовясь к неизбежной драке, медленно отошли. А городские сразу же обступили противостоявшую пару со всех сторон. Разговор между ними был не очень длинным и, к счастью, без активных действий. О чём они говорили, никто из деревенских не понял, но только в конце все услышали громко сказанное:

– Ладно, живи.

После этого вся городская компания последовала за лидером, оставив одиноко стоявшего Анатолия с видимым внутренним напряжением и сосредоточенностью.

* * *

Война пришла для Анатолия и Сони неожиданно, не дав даже как-то начать исполнение уже возникавших планов. Перед самой поездкой в военкомат по повестке Анатолий сказал:

– Жди, я вернусь.

И такая уверенность была в этих словах, что Соня, знавшая его обязательность, мысленно даже не допускала другого результата. Да, он не будет прятаться за чью-то спину, не побоится пойти на риск, но, раз обещал, обязательно вернётся.

Именно это и демонстрировал Анатолий, без задержки

после Победы и демобилизации рванувший к Сонечке. Мог бы он, конечно, не спешить, потратить время на оценку создавшейся в стране послевоенной обстановки. Рабочих мужских рук в восстанавливавшихся городах критически не хватало, чем и пользовались многие победители. Но Соня ждала, и он не мог затягивать это время.

В колхозе встретили его с уважением. Две жёлтые тканевые полоски указывали на два ранения, к счастью, не тяжёлых. Предлагали разные должности, включая руководящие. Но преобладание женщин на большинстве работ не позволило ему, здоровому мужику, заниматься руководством, «засунув руки в карманы», как он это оценивал, вместо того чтобы засучив рукава делать то, на что и даны ему необходимые сила и сноровка. А в колхозе работ таких, если пересчитывать, пальцев не хватит погибать.

Вот и зажили Анатолий с Соней обычной сельской жизнью, не хуже других в хозяйственном отношении. Но было одно существенное отличие: никто никогда не слышал от них о каких-либо разногласиях и спорах по какому-то поводу. Не всем это удаётся, поскольку так жить только по большой любви можно.

Подправили они дом родителей, ушедших со временем в небытие. Родили сына, спонсировали его высшее образование. В городе он и устроился работать. Женился на симпатичной девушке, и произвели они для Анатолия и Софьи внучку Катюшу. В полном составе и заявили они к родите-

лям перед каким-то праздником. По случаю такой нечастой встречи – застолье со всеми деревенскими разносолами да варёно-тушёно-жареными блюдами. Была у Анатолия одна особенность, которую родственники знали и не надоедали ему со своими «уваженьями»: рюмку свою он наполнять не возражал, но вот, чокнувшись ею, даже губами не прикасался. Видел он раньше, как меняются люди после подобного возлияния, и не хотел таким вот образом даже случайно обидеть свою Сонечку.

Посидели, поговорили, повспоминали – и тут вдруг Катюша сообщила, что им в школе дали задание ко Дню Победы: найти фронтовика и расспросить о его подвигах:

– А ты ведь, дедушка, на фронте был. Расскажи, сколько немцев убил.

Немного озадачился Анатолий таким простым и в то же время сложным для него вопросом. Не любил он вспоминать войну, а тем более рассказывать какие-то подробности. Сразу же по приезде в деревню после демобилизации многие пытались расспросить его, но не в его характере было хоть чем-то превозносить себя. Вот и отделялся он ничего не значащими фразами. Он ведь и тогда, после встречи в городе с мускулистым лидером, никому не рассказал, что сказал ему, чтобы предотвратить конфликт. А рассказывать о своей храбрости на фронте у него вообще не было никакого желания. Многие возвратившиеся выходили иногда на праздничные мероприятия с полной грудью медалей, демонстри-

руя свою значимость на войне. А Анатолий, получив уже по окончании войны медаль «За победу над Германией», прикрепил её к выходному пиджаку, который никогда не надевал на людях. Было ещё несколько юбилейных медалей. Ездил он по вызову за ними в город, прикреплял их на тот же пиджак и старался не вспоминать. А Сонечке на её вопросы отвечал, что это ведь медали не за подвиги на войне, а за то, что долго живёт. То есть это медали за долголетие. И какой же это подвиг? Его награда в этом случае – жизнь, которую удалось сохранить. А вот те, кто отдал жизнь за Победу, и есть герои, достойные награды. И надо бы руководству по спискам погибших к каждому юбилею Победы вручать медали отцам, матерям, братьям и сёстрам, внукам, в конце концов, как признательность и память об их родственнике или предке. Это какой бы эффект был!

Именно из-за этих особенностей характера Анатолия война для него – запретная тема. Только не хотелось ему из-за этого подводить внучку, а то могут попенять ей за нерадиковость в выполнении задания.

– На фронте-то я был. Всю войну прошёл, – после незначительного раздумья ответил он, – но никаких немцев не убивал. Я ведь связистом был.

– А что это такое – быть связистом? – спросила Катя.

– Быть связистом – это обеспечивать возможность командирам передавать своим подчинённым приказание на дальние расстояния. Или, если требуется, узнавать по телефону,

как обстоят дела и чем необходимо помочь для выполнения поставленной задачи.

– Так ты и немцев не видел?

– Почему же не видел? Я ведь не всё время в штабе сидел. Связь была с помощью проводов, проложенных от штаба к передовым частям. Поэтому заранее проложил провода ко всем подразделениям и ждал команды на устранение возможных обрывов. А случались они чаще всего перед какой-нибудь боевой операцией. Немцы, стараясь затруднить её выполнение, начинали заранее обстреливать из орудий или миномётов наши позиции. Вот и попадёт какая-то мина в провод или рядом с ним. Обрыв, связь потеряна, а в это время надо командиру давать приказания. Кричат: «Связисту обеспечить связь с таким-то подразделением». Катушку с проводом на плечо, винтовку на всякий случай – и вперёд. Выбегаешь из штаба, берёшь провод на ладонь, чтобы место обрыва почувствовать, и бежишь вдоль этого провода. Обрыва пока нет, если какие-нибудь диверсанты не перерезали. Добегаешь почти до передовой. А здесь немецкие мины то и дело разрываются. Дальше бежать в открытую опасно. Можешь и обрыв не найти, и сам от разрыва мины погибнуть. Поэтому затаишься и считаешь секунды между взрывами. Две-три мины посчитал – всё ясно становится. За это время подающий мины из специального ящика взял одну, поднёс к миномёту и подал стреляющему. Тот произвёл выстрел и ждёт другую мину. Ящик-то не рядом с миномётом

стоит, а то случайно наши в него попадут – и прощай все миномётчики. Так вот, рванула мина, ты провод на ладонь – и бегом вперёд. А сам считаешь: «Раз... два... три...» Досчитал, например, до двадцати, через пять секунд новая должна прилететь. Ищешь ближайшую воронку от предыдущей – и прыг в неё.

– А что это за воронка? – поинтересовалась заслушавшаяся Катя.

– При каждом ударе о землю мина, взрываясь, образует в ней яму, которая и называется воронкой, потому что по форме похожа на воронку для молока у твоей бабушки, только большого размера.

– Понятно. А зачем же надо в неё обязательно прыгать?

– Это потому, что в одно и то же место ни снаряд, ни мина почти никогда не попадают. Рядом – может, а точно в неё – никогда. Вот прыгнул на дно воронки и ждёшь очередной мины. Прилетела, разорвалась. Выскакивай и беги дальше. Только опять считай: «Раз... два... три...» И так до тех пор, пока обрыв на ладони не окажется. Если до окопов далеко, то ищешь ближайшую воронку и уже в ней либо соединяешь оборванные провода, либо подсоединяешь катушку с проводом и с ней уже доставляешь его до телефона. А пока обрыв устраняешь, мины-то разрываться не прекращают. Вот тут и может всякое случиться. Один раз мина разорвалась совсем рядом с воронкой, в которой я провода соединял. Контузило меня тогда крепко, даже землёй присыпало.

– А что такое «контузило»? – заинтересовалась внучка.

– Это когда так о землю или обо что-то взрывной волной ударит, что человек теряет сознание, не может двинуть ни рукой, ни ногой, да и ничего не видит. После контузии человек иногда несколько недель или месяцев в себя приходит. А то и совсем инвалидом становится. Но меня-то не сильно контузило, поэтому на передовую без большой задержки возвратили.

– Что же ты никогда мне об этом не рассказывал? – вмешалась взволнованная бабушка Соня.

– Ну зачем же волновать-то тебя? Жив ведь тогда остался!

– А второе ранение каким было? – уже настойчивее спросила супруга.

– Да почти всё так же и было. Сажу я в воронке, жду очередной мины по моим расчётам. А её всё нет и нет. Ну, думаю, прекратили обстрел немцы. Бежать дальше надо. Высунулся, а она и прилетела. Хорошо, что не совсем близко. Но осколок мне чуть пониже плеча попал. Вынули его, зашили рану, подлечили – и опять в строй. Ничего, жив, как видите. И не стоит это большого внимания. Поэтому и не рассказываю я это никому. Это только для внучки постарался, чтобы и ей было не стыдно за деда-фронтовика.

– А ты говорил, что и немцев видел? – спросила Катя.

– Видел, и многократно. Прибегаешь к тому, кому телефон нужен, а тут немцы в наступление пошли. Все отстреливаются. Надо бы и тебе в оборону включиться, немцы-то –

вот они, рядом. Но ведь моя-то задача – обеспечивать связь. Это порой важнее всякой стрельбы бывает. Поэтому катушку с проводом за спину – и под свистящими шальными пулями на устранение новых обрывов спешишь, которые в боевых условиях не редкость.

– Да, батя, не знал я раньше этого ничего, – неожиданно вмешался сын Анатолия, – а жаль, я бы к тебе по-другому в детстве относился. А то ведь не всегда слушался. Но ты за это никогда не ругал меня, а просто учил быть честным в поступках, скромным и, коли потребуется, делом отстаивать справедливость. Поэтому спасибо тебе не только от меня, но и от всех нас. Я и раньше тебя уважал, теперь же по-другому на наши с тобой отношения смотреть буду.

* * *

Уверен, что приведённая история простого солдата, добросовестно выполнявшего свои непростые обязанности, типична для очень многих, возможно, с отличием по решаемым во время войны задачам, по воинским званиям и по полученным результатам. Уникальность же описанного случая заключается, наверно, в чрезвычайной скромности героя, которому не нужна ни общественная слава, ни даже известность среди окружающих. И его можно было бы обозначить для людей того времени как «Неизвестного солдата», который, однако, не погиб, не похоронен, а продолжает

жизнь на основе полученных и закреплённых им в юности понятий. Немаловажная часть его судьбы связана с настоящей любовью, сохранённой им, и какой-то неведомой людям силой, охранявшей его в различных ситуациях в течение всей жизни.

Маловероятно, что и сын его когда-то пойдёт в массу потомков, прославляющих предков, воевавших с агрессивным неприятелем. Да и фотографии-то отца ни в военной форме, ни в костюме с медалями у него нет. Для сына важнее то, что отец воевал, был в сложных и даже критических ситуациях, но выдержал всё это и передал ему понимание ответственности за выполняемое дело. Поэтому для сына он – герой войны. И, кроме того, воспитанный на отношениях отца и матери друг к другу, а также на характере поведения с ним и с другими людьми сын в полной мере будет вспоминать его, называя «настоящим отцом».

Тыл

Все победы на войне, так же как и поражения, происходят непосредственно в результате конкретных боёв и крупных сражений. И немалая доля результатов этих событий связана с тылом. Но он формально является той частью воюющей стороны, которая, казалось бы, находится вне основного противостояния. Однако это не просто ошибочное, но и в корне неверное мнение, потому что именно тыл обеспечива-

ет боеготовность фронта как в техническом, так и в моральном плане. Да, местами наибольших человеческих потерь являются, несомненно, боестолкновения. Но и работа в тылу часто связана с действительно героической самоотдачей на фоне таких условий военного времени, когда мысль, как выжить, превращается в желание: уж лучше бы сразу. Сопутствует этому и лозунг: «Всё для фронта, всё для победы», который некоторыми может интерпретироваться несравненно малой значимостью условий, при которых происходит исполнение тылом своих задач. Но недаром многие работники тыла во время войны назывались участниками трудового фронта. И при общих положительных результатах получали, как и фронтовики, связанные с этим награды.

Основная часть фронтовых тягот традиционно лежит на мужчинах. Однако появление большого количества раненых, обеспечение их медицинским обслуживанием как непосредственно после боестолкновений, так и в госпиталях привело к расширению в связи с этим участия женщин. Бесчисленны примеры героических поступков совсем молодых медсестёр при спасении раненых в условиях боя. Трудно представить и оценить их бдение на пределе нервного напряжения в любое время суток рядом с тяжелоранеными в полевых лазаретах, санитарных поездах, стационарных госпиталях.

Призыв рабочих и служащих в действующую армию привёл не только к возрастанию нагрузки на оставшихся, но и

к необходимости ускоренной подготовки и привлечения нового штатного персонала. Причём эта проблема обострилась ещё и в связи с эвакуацией целых заводов из зоны предстоящей оккупации и передислокацией их в новые, совершенно необжитые территории с не самым благоприятным состоянием окружающей среды. Всё это делало фронт и тыл единым взаимосвязанным объединением сил и средств в достижении желаемой победы.

Харитина

Участие женщин в различных сторонах жизни во время войны определялось, естественно, существовавшим у них на тот момент социальным статусом. Харитина, имеющая предпенсионный возраст, не могла, казалось бы, принять активное участие в решении общих для страны проблем. Будучи уроженкой глухой провинции – Вятской губернии, она не имела никакого образования. В местах её рождения и юности считалось, что женщине не требуются грамотность и какие-либо знания неместной культуры. Ей, по местным понятиям, предстояло производить потомство, обеспечивать быт в будущей семье, содержать немалое придомовое хозяйство. Поэтому вся грамотность Харитины до войны состояла из знания букв алфавита, который она освоила на курсах, основанных новой властью для подобных людей, после их переезда из деревни в город. В результате она могла лишь от-

дельными печатными буквами написать свою фамилию при необходимости в некоторых случаях подписи.

Имя Харитина тоже соответствовало традициям места её рождения, когда священники, не мудрствуя с его поиском, брали список православных имён и присваивали его новорождённому по дате крещения. Возможно, поэтому имя Харитина звучит сейчас необычно и встречается нечасто, хотя в переводе оно означает «благодатная» или «радостная».

Были с этим именем и другие несуразности. Если, например, имя Екатерина легко преобразовывалось в бытовую Катю, а Елизавета – в Лизу, то у Харитины и первая, и вторая часть имени в отдельности были не совсем благозвучны.

С начала войны у Харитины при переходе на карточную систему продуктового обеспечения возникли проблемы, поскольку она всю предыдущую жизнь занималась семьёй и никогда нигде официально не трудилась. Искать работу долго не пришлось, так как на противоположной стороне улицы, где жила Харитина, четырёхэтажное здание школы было отдано под госпиталь. Туда и устроилась она, сначала подсобным работником кухни, где топила плиту, мыла посуду, кастрюли и котлы для приготовления пищи.

Особенность организации госпиталя заключалась в том, что на первом этаже размещались кухня, столовая и лечебные кабинеты. На втором этаже, в бывших классах, лежали, не вставая, тяжелораненые. На четвёртом – «ходячие», лег-

кораненные бойцы заполняли не только классы, но и большой актовый зал. А вот третий этаж был отдан психически больным, потерявшим под воздействием всех ужасов войны разумное отношение к себе и окружающим. Поскольку наряду с «тихими» там находились ещё и «буйные», на окнах всего третьего этажа поставили деревянные решётки, а весь этаж был отделён от остальных прочными дверями.

Однажды один из беспокойных больных с третьего этажа сломал деревянную решётку на окне, прошёл по узенькому наклонному карнизу до водосточной трубы, что едва ли бы смог сделать человек с нормальной психикой, и спустился по ней на землю. Все окна первого этажа были закрыты, кроме тех, которые были у жаркой кухни. Неожиданный посетитель беспрепятственно влез в окно, спрыгнул на пол и схватил топор, лежавший около дверцы плиты. Всех работников кухни как ветром сдуло. А Харитина, не успев убежать, в первые мгновения увидела человека с искажённым ненавистью лицом и сверкающими злобой глазами, готового уничтожить любого встретившегося на его пути. Спасло её то, что она успела присесть и спрятаться за плитой. К счастью, сумасшедший не заметил её, а может, и видел, но ему нужен был противник в известной вражеской форме. Размахивая топором, он с криком выбежал в коридор, где его, конечно же, удалось поймать и задержать. Но, как потом говорили, страху натерпелись все.

Однако значительно большая потребность госпиталя бы-

ла в младшем медицинском персонале – санитарках. Мало кто соглашался не просто мыть в палатах полы и протирать пыль, но и ухаживать за лежачими больными. А это – подавать им, убирать и мыть туалетные принадлежности. И Харитину перевели в санитарки, где она и работала, добросовестно выполняя свои обязанности, до конца войны. Склад её характера способствовал доброму отношению к раненым, бесконфликтности с коллективом и беспрекословности выполнения всех указаний, что выражалось в благодарностях от больных и руководства госпиталя.

Оценивая в целом Харитину в военное время, сложно найти в её работе какие-то патриотические настроения. Она была простой русской женщиной с присущей ей жалостью к пострадавшим людям. И желание помочь им постоянно присутствовало в её душе, поскольку ей ежедневно приходилось наблюдать самые жестокие картины, отражавшие результаты войны. Она видела прикрытых одеялами лежащих неподвижно с безразличным или безнадежным взглядом раненых с ампутированными ногами и руками, окровавленные бинты с гноем, а то и с копошившимися в них червями при приёме вновь прибывших из полевых лазаретов. Горько было смотреть на лишившегося рассудка раненого с третьего этажа, который, сидя на койке с устремлённым в никуда взором, постоянно перекладывал мелкие обрывки добытой им откуда-то бумажки и непрерывно повторял: «Доля, моя доля... Доля, моя доля... Доля, моя доля...»

При виде всего этого даже чистка специальных принадлежностей, называемых близким каждому селянину словом «утка», и устройств с не соответствующим на первый взгляд назначению, но красивым названием судно, которое по определению должно бы плыть к какому-то причалу, не вызывали у Харитины такого сильного чувства несправедливости того, что случилось и что она воочию наблюдала.

Были, конечно, и радующие события, когда, например, при снятии повязки с прооперированных глаз пожилого солдата он закричал: «Батюшки, свет!»

Удивляли бесшабашностью своих поступков молоденькие легкораненые и быстро выздоровевшие ребята, которым удалось какими-то путями вечером, когда уходило домой всё начальство, покинуть госпиталь – называлось это у них пикированием – и выйти за чугунную ограду бывшей школы, чтобы попытаться познакомиться с девушками и продолжить в дальнейшем эту связь. Конечно, это категорически запрещалось, но некоторые сотрудники знали об этом и делали вид, что ничего предосудительного не замечают, понимая, что после возвращения на передовую, вполне возможно, молодым солдатам не представится случая ещё раз встретить свою добрую и желанную будущность.

Не возвращай обиду

Каждый живёт, как знает,
Каждый живёт, как хочет.
Кто-то всю жизнь страдает,
Кто-то всю жизнь хохочет.

Кто-то, не зная брода
(Может быть, дно неровно),
Вниз головою в воду
Прыгает хладнокровно.

Ну а другой под пенкой
Жара не ожидает,
После ж, с переоценкой,
Воду всё охлаждает.

В выборе поведенья —
Слёзы иль клоунада,
Разнятся часто мненья,
Сам выбирай, что надо.

Ведь нам дано Всевышним
Жизнью распоряжаться,
Помнить отнюдь не лишне,
Только своею, братцы.

Хочешь – будь эгоистом,
Падким на все награды,
На руку будь нечистым,
Но обижать не надо

Тех, кто всё время рядом
Или бывает редко.
Не обожги их взглядом —
Шуткой излишне едкой

Тем, кто с надменным видом
В сердце ужалит больно,
Не возвращай обиды,
Даже произвольно.

Как нас учил Спаситель,
Жизнь чтоб прожить пристойно,
Ближнего полюбите,
Пусть он и недостойный.

Было всегда и будет:
Даже твоё прощенье
Гнев небес не остудит,
Не отвратит отмщенья.

Вдруг подведёт здоровье
Иль огорошат дети,
«Счастье» привалит вдове —
Лучше б не жить на свете.

Коли худое дело
Сделал, то в покаянье
Искренне и всецело

Сам осуди деянье.

Людам же небезбожным
Исповедь перед Богом
Станет простым и сложным
К праведности прологом.

Купе

Посвящается искусствоведу Н. А. Рыжиковой

Нечасто я ныне в дороге.
Пропало желание быть
На чьём-то неблизком пороге
И что-то смиренно просить.

Иль правду замешивать с ложью,
Чтоб к цели какой-то прийти,
На милость надеяться Божью,
Лишь Он может к нам снизойти.

А если вдруг надобно ехать,
Дорога, став чёрной дырой,
Проглотит и радость успеха,
И оптимистичный настрой.

Унизит невидимый полог

И связанный с ним этикет,
Вид нар или, как там их, полок
И запахов крепкий букет.

И благо, коль может случиться
Дорожно-купейный расклад,
Который в сердца постучится,
И в каждом откроется клад.

Российского суперрадушья,
Познаний большой глубины,
К беде чужой равнодушья,
Которому нету цены.

Тогда для душевной беседы
Не нужен особый мотив,
И общие радости, беды
Купейный затмят негатив.

Проявится вдруг в разговоре:
Сосед – отставной генерал.
В опале он был и в фаворе,
Но честь свою не замарал.

И рядом приятная дама,
К тому ж ещё искусствовед,
Как жрице музейного храма
Ей виден истории свет

От палехской чудо-иконы,
От старых картин и скульптур.
В них ясно видны ей каноны
Исчезнувших древних культур.

А третий, особенно бойкий,
Болтливый всезнайка-простака,
Являясь плодом перестройки,
Уверен – у нас всё не так.

Не так на Кавказе воюют,
Реформы неверно идут,
Художники ж просто малюют.
Где цель, нас к которой ведут?

Но, к счастью, не гибнет в сумбуре
Кораблик общения. Он
Через дилетантство к культуре
Пробьётся, взяв серость в полон.

Ответ дилетанта остудит:
Такой не бывает войны,
В которой б невинные люди
На муки не обречены.

О музах же спор бесконечен.
Но в мире российский талант
В картинах-шедеврах отмечен,
В коллекциях он – бриллиант.

Вот так по местам всё расставит
Житейская мудрость подчас
И для размышленья оставит
Желание – в путь ещё раз.

So

So I'm old! Even I've a grand – daughter.
During life I crossed fire and water.
Being a rather experienced one,
I feel myself always likewise a son.

I am not simply a son of my mother,
But many teachers, my friends and all others,
Who had been tuning up strings of my mind.
Helping to get features of certain kind.

I am a son of provincial town,
I was up here and soon should be down.
Farmed in the 60-th I steadily show:
I am a son of Nikita Khrustchov.

Parents of mine were hard labour and hunger,
They educated me when I was younger,
Showing what was a kindness, a crime,
Forming the spirit – a son of my time.

Покаяние

Ну, вот и всё! Пришёл черёд
Сказать, встав на колени в храме:
Прости меня, честной народ,
За роль в происходящей драме.

Увы, восторженный юнец,
Поверил я чудесной сказке,
Что суть всех зол – златой телец
Бывает только в частной маске.

С тех пор, приняв на веру то,
Что требовало доказательств,
Я превратил себя в ничто,
Став соучастником предательств.

От моего лица дракон
Под радостные песнопенья
Творил безнравственный закон,
И совершались преступления.

Он растоптал свободу стран,
Народов, целых поколений,
И винтик-человек попра́н
Был с помощью его решений.

А я?! Всем басням доверял
И был удобным членом свиты.
Всё то, что нужно, одобрял,
Хоть и далёк был от элиты.

Ведь нас учили: мы должны
В едином ритме жить, трудиться,
Не сметь, как ни были б важны
Причины, в чём-то отличиться.

Зажатый правом большинства
В «демократичном» централизме,
Я чтил глупцов, как божества,
Опорой став «драконоизма».

Но вот настал ответа час,
Открылись жуткие творенья.
И то, чем жили мы, кичась,
Заслуживает осужденья.

За слёзы, кровь, солёный пот,
Пролитые в угоду страху,
Суди нас, праведный народ.
Я голову кладу на плаху.

Ностальгия

Мелькают годы чередой,
Как ряд мгновений,
И волос смотрится седой
Уж без волнений.

Давно ль олимпиадный пыл,
Зовя к сраженью,
Естественным отбором был,
Путём к сближенью.

Семнадцать видов как побед,
Так поражений
Давали стимул много лет
Для всех свершений.

Весёлых шуток острота
Нас закаляла,
Русалок рубских красота
Спать не давала.

Мы в дружбе долгие года
Прожить мечтали.
Огонь – ничто! Пусть – вода!
Но трубы звали.

Однако их призывный зов
Не всем был сладок,
Ведь ясно, что от льстивых слов
Мораль – в упадок.

А дружбы искренней, большой
Ещё поищешь
И слов с открытой душой:
«Держись, дружище!»

«Человек формируется сложно...»

Человек формируется сложно.
Генетический код получив,
Под влиянием сред всевозможных
Подбирает для жизни мотив.

Повезёт – в окружении честных,
Ярких, неординарных людей
Появляется сплав интересный
С положительным трендом идей.

Подснежник

Только в сугробах протает

Чуть под весенним лучом,
Яркий цветок расцветает,
Холод ему нипочём.

В летнем шальном многоцветье
Вряд ли б столь значим он был:
Низенький, с мелким соцветьем.
Чем же он сердце пленил?

Прежде всего – силой духа,
Смелостью: «Что мне мороз?!»
Фоном из снежного пуха
И обнажённых берёз.

Тем, что для всех цветов лета
Лидером стать он сумел,
Тем, что тональностью цвета
С небом сравниться посмел.

Но всё разумно в природе,
Нет бесконечных побед.
Просто же быть в хороводе
Он не привык: смысла нет.

Вот и уйдёт без прощанья,
С видом как будто засох.
Но чтоб к весне на свиданье
Первым быть! Дай ему Бог!

Три феи

*Посвящается Королёвой Антонине Вуколовне
– маме; Худяковой Лидии Алексеевне
– заведующей кафедрой иностранных
языков Ивановского энергетического института
(Сверхсправедливость);*

*Олейниковой Иде Петровне – преподавателю
английского языка Ивановского энергетического
института (Сверхчеловечность); Грачёвой Нине
Дмитриевне – преподавателю английского
языка Ивановского энергетического института
(Сверхдоброта).*

Так много мы людей встречаем в жизни,
Что разум наш, как радуги цвета,
Сквозь времени их преломляя призму,
Не всем находит в памяти места.

Не помним тех, с кем встречи мимоходом,
И даже тех, кто рядом долго жил,
Но был безлик и вот уж тихим ходом
Из памяти в безвестность укатил.

Но встречи есть, в которых столько света,
Что через годы может он светить,
Всё озарять вокруг, как солнце летом,
Чтоб верный в жизни путь определить.

Я баловень судьбы! Мне жизнь с избытком
Дала хороших на пути людей.
Пусть не всегда я был предельно сытым,
Но был в тепле от света их лучей.

И первым, самым важным человеком
Была, конечно, мать. Она жила,
Шагая в ногу с нашим бурным веком,
И потому так много мне дала.

Была в её уроках правды сила,
И никогда я не смогу забыть,
Как мать своею жизнью говорила:
«Смотри, сынок, вот так и нужно жить!»

И главный смысл из всех уроков этих
Я понял: самым строгим из судей
Быть должен сам, и нет важней на свете
Труда и уважения людей.

Я эти принципы впитал навечно,
Они всегда со мною рядом шли.
Всё было в жизни у меня, конечно,
Но никогда они не подвели.

Из тех, кто мне помог стать человеком,
Хочу назвать своих учителей,
Которые, как будто чудо-реки,

Меня поили свежестью идей.

И были среди них те, кто своею
Душой заставил заново взглянуть
На мир вокруг. И ярче всех три феи
Мне осветили счастья жизни суть.

Казалось, был предмет второстепенным,
Зачем для нас все эти thin да thick?
Но нам они открыли, что бесценным
Для человека может быть язык.

И наше счастье было в том, что с ними
Мы постигали сущность красоты,
Не только в росте становясь большими,
А в цели жизни, в уровне мечты.

У них – людей – во многом сходство было.
Тянули в одиночку сыновей,
Предмет свой беззаветнейше любили,
Учеников – как собственных детей.

Но феями их звали неслучайно
И имена им дали неспроста:
Сверхсправедливость – точно необычайно —
Сверхчеловечность и Сверхдоброта.

Была Сверхсправедливость эталоном,
Который нужен, чтоб определять

Моральный вес поступков и законов,
Нам кодексы свои формировать.

Сверхчеловечность нас заорожила
Потоком чувств с напором бурных рек.
Мы на себе их испытали силу,
Поняв – красив и сложен человек.

Сверхдоброта была сильна искусством
Людей поддержки в самый трудный час.
Своим безмерным, тёплым, сильным чувством
Она добрее делала и нас.

И тот, кто мог, кто был готов душою
От них принять бесценные черты,
Брал данные их щедрою рукою
Все качества кристальной чистоты.

Проходят годы, вечно их движенье,
Теперь уж я давно учитель сам
И, как они когда-то, с увлеченьем
Даю урок своим ученикам.

Но помню я всегда об эстафете,
Которую поручено нести,
О тех, кто, как космической ракете,
Дал старт мне и коррекцию в пути.

Да, я несу её сейчас, как знамя!

И мудрость жизни, счастья полнота
Горят на нём священными словами:
Труд!
Справедливость!
Человечность!
Доброта!

Любовь и честь

Что важно быть красивым человеком,
Уверена сегодня молодёжь.
Прикид, причёска, пирсинг, тень по векам —
И вот уже красивей не найдёшь.

Но есть другое: «Надо быть свободным!» —
Кричат рубцы на спинах у рабов.
Неплохо быть любимым, не безродным,
Иметь друзей, нельзя жить без врагов.

Случилось так, что ты большой начальник, —
Не смей кого-то грубо унижать!
В чести всегда в России не охальник,
А кто других умеет уважать.

Заложники технического века,
Мы видим, как соблазнов цепь сильна.
Но знать должны: основа человека —

Любовь и честь в любые времена.

Карниз

За окном бурлящая дорога.
Кто-то катит вверх, а кто-то – вниз.
Ну а я, надеясь лишь на Бога,
Встал на скользкий узенький карниз.

Вверх взлететь – силёнок не хватает,
Рухнуть вниз – удерживает Бог.
В сторону ступить – змеёй влезает
Мысль: «А может, подвести итог?»

Нет, не надо никаких итогов,
Человек к себе несправедлив.
Судит он других излишне строго
В самолюбования прилив.

Пусть Всевышний подведёт итоги.
Он всё видит, и Ему решать.
Наше дело – ехать по дороге
И свои ошибки совершать.

Вот и мчим мы по дороге жизни:
Вниз и вверх, а после снова вниз.
Нам ли думать о какой-то тризне?

Все вперёд! Ой, где ты, мой карниз?!

Сестрёнка

Посвящается сестре Татьяне

Периоды разные были у нашей страны.
В години жестокой и кровопролитной войны,
Когда от разрывов и дыма не видно ни зги,
Крик боли был слышен: «Сестрёнка! Приди, помоги!»

И лезла она под огнём сквозь колючий заслон
На голос надежды, лишь не оборвался бы он.
По снегу и грязи тащила на хрупкой спине
Подальше от смерти, поближе к победной весне.

А в мирное время... инфаркты, инсульты и рак.
Зарплаты... в больнице работает только чужак.
Но в жизни всегда возвращается всё на круги,
И слышится голос: «Сестрёнка! Приди, помоги!»

Бежит она, чтобы больному лекарство подать.
Коль нужно, и кровь свою жаркую может отдать.
Она ведь всё время на той бесконечной войне
За жизнь и за счастье, которые вечно в цене.

И ныне, когда так зловеще вдруг сдавит в груди

И темень в глазах намекнёт: «Уж пора, заходи»,
Когда отношения с близкими слишком строги,
Мне хочется крикнуть: «Сестрёнка! Приди, помоги!»

Я просто уверен: она непременно придёт
И нужное слово как суперлекарство найдёт,
Пусть даже забот на неё навалилась гора.
И легче, когда в жизни есть вот такая сестра.

Ленинград

Прощай, великий Ленинград,
Бессмертных гениев творенье.
Как был я этой встрече рад!
Как буду рваться я назад,
Чтоб снова с трепетным волнением
Припасть к истокам вдохновенья!

Ты – символ вечной красоты,
Где люди в камень воплотили
Свою судьбу, свои мечты,
Любовь безмерной чистоты,
Всё, чем они когда-то жили.

В домах, в оградах, в мостовых
Здесь различимы, без сомненья,
И труд безвестных крепостных,

И заводских мастеровых,
И архитекторов творенья.

Начав с Петра свой славный счёт,
Тебе здесь славу создавали
Те, кем гордится наш народ,
Кто звал идти всегда вперёд,
Без усталости к заветной дали.

И ты прости, что в эти дни
Я жил, как прежде, бестолково,
Но часто были мы одни,
И я клянусь: твои огни
Я возвращусь увидеть снова.

«Ты Петербургом ныне стал...»

Ты Петербургом ныне стал
В очередной порыв тщеславья,
Как будто вмиг переписал
Тот, кто сегодня правит бал,
Все книги, их сменив заглавья.

Но не изменит существа
Неоспоримость историзма,
Ведь ты – творенье Божества,
Его учений торжества,

Без относительности к «измам».

Мы есть

Творится что-то страшное вокруг —
Объединилось зло в порочный круг.
Повержена им не одна страна,
И всюду жажда властвовать видна.

Амбиций пыл диктует: тех бомбить,
А это государство раздробить.
Цена – пустяк, всего важнее куш,
Пусть кровь по локоть от невинных душ.

Борьба за власть, любой ценой успех
Объединяют властолюбцев всех.
Не жаль им жертв прожорливой войны.
Ужели мы пред злом обречены?

Здесь совесть христианская нужна,
Спасти весь мир поможет лишь она.
Неравнодушием к чужой судьбе —
Духовность укрепляется в себе.

Коль совесть – базис жизни – расцветёт,
То Бог на помощь страждущим придёт.
Он силы даст злодеев укрощать

И вспышки жутких войн предотвращать.

Они ж всё ближе, взрывы их мощней,
Словесных перепалок треск слышней.
Отброшен разум и забыта честь.
Дай Бог всем совестливым сил. Мы есть!

Музыка

Музыка – что это? Множество звуков,
Кем-то умело поставленных в ряд?
Хобби? Безделица? Средство от скуки?
Праздников бурных весёлый наряд?

Общее мнение вряд ли возможно,
Каждый ведь в музыке видит своё:
В классике кто-то ненужность и сложность,
Кто-то ж с восторгом воспримет её.

Здесь, как для всех грандиозных явлений,
Противоречье отнюдь не беда,
В споре традиций, веков, поколений
Музыка и развивалась всегда.

Всех нас уже в колыбели встречает —
Соло большой материнской любви,
В горе и в радости сопровождает,

Только душою её позови.

Сразу страдать будешь вместе со скрипкой,
К Богу приблизит могучий орган,
Жизнь балалайка украсит улыбкой,
Сердцу даст ритм метроном-барабан.

Силой гармонии замороженный,
Ум отречётся от бранных забот,
Сердце же, вспыхнув, как факел зажжённый,
К поиску истин и сути взовёт.

Мысль улетит в глубину мироздания,
К вечной проблеме: «Что есть человек —
Мёртвой материи ль, Духа ль создание?
Как и зачем коротает он век?»

Тайны сознания в музыке скрыты.
Вот возрастная динамика черт:
Юность – аллегро из лёгкой сюиты,
Зрелость – уже фортепьянный концерт.

Вот настроений безбрежных качели:
Танго – в эмоциях пламень и лёд,
Марш – результат достижения цели,
Песня народная – чувства полёт.

Не очерствей – и, конечно ж, услышишь
Музыку в скорбном сиянье луны,

В звоне сосуллек, свисающих с крыши,
В всепобеждающем буйстве весны.

В тихой полночной заснеженной дали,
В чудо-творении – СПАС НА КРОВИ,
В страшном девятом сметающем вале,
В бурном и страстном экстазе любви.

Музыка... Нет, в ней не только лишь звуки
Или посылы: пой, слушай, пляши!
Даже не главное – творчества муки.
Прежде всего в ней – богатство души!

«Красота с небывалою силой...»

Красота с небывалою силой
Может дух павший вмиг укрепить,
Окрылить даже самых бескрылых,
Неизвестные чувства открыть.

Есть она в каждой грозди рябины,
В буйстве красок весенней зари,
В добрых людях и в маленьком сыне.
Сбрось проблемы, вокруг посмотри.

Всеобъемлюща наша природа,
Восхищенья предмет выбирай.

Прочь из разума, тень непогоды,
Красотою себя воскрешай.

Красота спасает мир

Красота спасает мир,
Серость будней украшая,
Разрушительности пир
Восхищеньем укрощая.

У неё пределов нет
В времени или в пространстве,
Льётся её чудный свет
В многоликом постоянстве.

Только ты его заметь:
В дивных формах у снежинок,
В листьях огненных, как медь,
Осень встретивших осинок.

А когда придёт весна,
Красота в обличье женском
Всех мужчин лишает сна
В помешательстве вселенском.

Хочется цветы дарить —
Отношения задатки.

Хочется добро творить
И влюбиться без оглядки.

Вот тогда мужчин кумир,
Ворох чувств воспламеняя,
Красота спасает мир,
Смыслом жизни наполняя.

Признаюсь честно

Ты, как всегда, прекрасна!
Твой просветлённый лик
Диктует чувствам властно:
«Бесценен каждый миг».

Напористо и звонко
Ты гонишь прочь печаль:
«Довольно жить в потёмках,
Иди рассвет встречай!

Умойся свежим ветром,
Венере улыбнись
И безгранично светлым
Простором восхитись.

Лугами малахита
И чудом из чудес —

Богатством лазурита,
Сошедшего с небес.

Рубиновой зарёю,
Хрусталинками слёз
И янтаря игрою
На ветках у берёз.

Познай начало жизни,
Источник красоты,
И искорками брызги
Родившейся мечты».

Да будет всем известно:
Восторга пригубя,
Весна, признаюсь честно,
Я так люблю тебя!

Мы не ведаем

Осень встала в очередь.
Август на дворе
С яблоками сочными
По такой поре.

Хочется и колется,
А ответ непрост.

Христиане молятся,
Ведь Успенский пост.

Мы ж с тобой не ведаем
Никаких постов.
Что хотим – обедаем,
Нет на нас крестов.

После удивляемся:
«Как же это так —
Вдруг желудком маемся,
В сердце кавардак?»

Свадьбы, дни рождения
Чередой идут,
Будто наваждение,
И повсюду ждут.

Чтобы по традиции
Щедро угостить,
До потери дикции
Водкой напоить.

Пьём, едим, как водится,
Нет, чтоб пост блюсти.
Ты нас, Богородица,
За грехи прости!

Татьяна Георгиева

Россия

Верю в вас

Просмолённые зноем походных костров,
оглушённые свистом пуль,
верю в вас до отчаянной рези зрачков,
хрипоты, ломоты скул.

Всякий вдох – полынья, а шаг – верста,
небо цвета свинца и сажи.
Но священна взятая высота
и вовеки бессмертен павший.
Тьма свивает гнездовье внутри и вне.
Разве нам ничего не осталось,
как заделывать выбоины в броне,
сквозь которые хлещет усталость?
Нам не слышно отсюда, но в хлёстком пылу,
на сквозном острие атаки
видеть нужно усталому кораблю
луч, пронзающий сгустки мрака.

Полновесно зима встаёт на крыло

не живительна, не воспета.

Только верую, вскоре воскликнем светло:

Победа!

В меру счастья

Так срослось. Мы – от жертв отвыкшие.
Жалко мига, не то что жизни.
Отболевшая и поникшая,
добродетель наша эскизна.

Вместо истины ищем драмы,
разъедающей словно ржа,
забывая, где наше зная
и куда его водружать.

Между тем молчаливо и пламенно
возрастает «Бессмертный полк»,
с каждым днём обнажая знание:
мы живём и вдыхаем в долг.

Не имеем ни сердца апостольского,
ни пророческого ума.
В искажённой душевной плоскости
перемешаны свет и тьма.

Но возможно ль брести по-прежнему,
стыть, цепляться за миражи,
если кто-то в дыму и скрежете
жизнь рассветную положил?
Да, мои постулаты ветхие,

но глубины и броды пути,
бури горькие и безветрия
истончаются в кротком «прости».

Будем светлыми, станем сильными
в меру счастья, что нам дано.
Между матерью и Россией
твёрдо выведем знак «равно».

Смоем фальшь и налёт завистливый,
как бесстыдный несвежий грим.
В душу всмотримся зорко, истово...

Только так победим.

Светлой памяти Дарьи Дугиной

Папа, знаешь, почти не было больно мне.
И страха не было, лишь крайняя немота.
Папа, я и при жизни чувствовала себя воином,
а теперь я в воинстве Самого Христа.

Папа, я входила в города пылающие,
я тогда уже понимала, насколько черны враги.
Папа, пожалуйста, не казни себя, я лёгкая,
я мерцающая,
я храню и благословляю твои шаги.
Папа, спасибо, ты из меня воспитал философа,
научил меня вере и стойкости в пору духовных бурь.
Если бы промотать тот день, как плёнку кинематографа,
я бы оставила всё как есть, без поправок и без купюр.

Папа, ни один дар от Бога не усваивается без подвига,
я открою тебе: мы стоим на пути к высочайшему рубежу!
Эта победа выстрадана, и она будет долгая,
но она случится, папа.
Я прослежу.

Преодоление

Эта война не нужна никому из нас, не сотрясайте воздух.
Каждому будет по вере его и по сердцу вдосталь.
Глупость вечна, как насморк, а воля и доблесть
есть не отсутствие страха – преодоление.
Они возникают после.

Всё существо моё против крови лично и даже вселенски.
У меня пожилая мама, жена, два малолетних сына.
Если завтрашний день запустится с текста повестки,
мне будет нужен немалый запас решимости, чтобы их
покинуть.
Пускаться в бега постыдно, поэтому вещи собрал по
списку,
пошёл учиться стрелять, в руке прибавилось веса.
Ещё я встречался с теми, кто вышел из пасти риска,
дабы в общих чертах представить, о чём будет эта пьеса.
Я знаю из опыта: путь восходящих ступеней —
это не славное шествие, а чередка поражений.
Чтобы достигнуть вершины, то без стонов и саможалений
надо упрямо вставать после каждого из падений.
И если я верю в Него и сказано ясно,
что даже волос с моей головы не падёт без Его веленья,
то как я могу сомневаться в верности направления
и измерять, насколько мне будет огненно и опасно?

Никто раньше срока не переступит грани,
поэтому – строй сомкнуть, не дёргаться бестолково.
Неизменяем Бог. Он днесь и вовеки с нами.
Воспрянем же духом, братья, и будем готовы.

Рядом

Когда преисполнена всякая мера стужи
и снежная прыть сродни одичалой пляске,
пингвины становятся рядом. Кучнее, туже.
Спиною к морозному крошеву, ветра лязгу.

Самые тёплые, двигаясь из середины круга,
меняются с теми, кто вымерз по самые крылья.
Их неуклюжий танец замедлится, лишь обмелеет выюга,
как только холод устанет вколачивать ярые клинья.

Тогда чёрно-белые птицы расправят мёрзлые спины
и выдохнут истово в неизмеримой минуте.
Грея друг друга, бурю смиряют пингвины.
Жаль, что об этом сейчас забывают люди.

Время мужества

А составы тянутся цепью на поле брани,
и оттуда чуть меньше числом – в Небесный Град.
Мы стоим на перроне с огромным скарбом ненужных
знаний,
пороков и оправданий.
Господи, в моей затворённой гортани
бездна звуков, но я не могу кричать...
Наступает время мужества и молитвы,
я прошу: укрепи её, вознеси.
Мне сказали два человека из жерла битвы:
доживает граница считанные часы.

Неприметен камень краеугольный —
без него вскипает пылью, обрушивается стена.
Нам, внезапно поднявшимся на колокольню,
открывается истинная война
и её причины, и бездорожье,
и неистовая глухота,
если взглянуть друг в друга глазами Христа
или из самого сердца, что часто одно и то же...

Высокой синью...

Перепутаны наши жизни,
мы не слышим своих имён.
На какой же прощальной тризне
колокольный родится звон?..

В нём взметнётся высокой синью
голос памяти и земли.
И живые глаза России
в душу глянут твою... Молись!

Утро

Пишется вся жизнь беглою
строчкою сразу начисто.
Я не могу быть светлою —
смыслы от сердца прячутся.

Колокол бьёт к заутрене,
в нём каждый отзвук выстрадан.
Мне бы стать сильной внутренне —
тонкой свечой не выстоять.

Бог мой, в Твоё смирение
мне бы всмотреться пристальней!
В строгости песнопения
зиждется дух поистине.
Я же на стылой пристани
ропота и сомнения.

Звёзд вереницей бледною
утро вольётся в окна мне...
Колокол бьёт к заутрене.
Мне бы стать сильной внутренне
и непременно светлою!..

Ольга Грибанова

Россия

Белая ночь

Венок сонетов

1

Мой чудный город белой ночью тих.
Сирени аромат колышется волною.
В туманной мгле теряется залив,
И тень лиловая вот-вот дома укроет.

Лишь режет небо, словно белый стих,
Шпиль Петропавловки над крепостной стеною,
Храня покой всех мёртвых и живых,
Кто слился с Питером душой одною.

Заря взмахнёт широким рукавом,
Как будто бы застенчиво, тайком,
Мой город приглашая на свиданье,

И город задрожит в объятиях зари!..
Колдуют парки. Первый луч горит.
Нева чуть слышно шепчет заклинанье...

2

Нева чуть слышно шепчет заклинанье —
И в небе раздвигаются мосты.
Трамваев затихает громоуханье,
Все улицы прозрачны и пусты.

Над Банковским мостом, разбужен ранью,
Взмах крыльев застывает золотых.
Хранят грифоны сон людей и зданий
И защищают от забот дневных.

Так хочется забыть, какой там нынче век!
И вдоль петляющих, сплетающихся рек
Так хочется идти, про сон забыв.

Решёток кружева колеблются и тают,
Спас на Крови в седой волне мерцает,
Изящен Невский, как гитарный гриф.

3

Изящен Невский, как гитарный гриф,
Ограды тянутся, как струны арфы,
Танцуют музы, свой покинув миф,
В тени под кронами аллея и парков.

Смычком Адмиралтейства к небу взмыв,
Запела скрипка трепетно и жарко,
Собор Казанский подхватил мотив
Органной песней колоннад неяркой.

И так безмолвно песня та лилась,
Что белой ночью, плача и смеясь,
Весь город ощущал её касанье.

А мы, случайно наглотавшись волшебства,
Познали истинную сущность Божества:
Он из конца в конец – величье и дерзанье.

4

Он из конца в конец – величье и дерзанье:
От ласковых Шуваловских озёр

До строгих Пулковских высот молчанья
Под самолётов громкий хор.

На запад глянь – там финских вод качанье,
А на востоке, сколько видит взор,
Лишь сны домов, кварталов замиранье
И площадей чуть слышный разговор.

Домов уснувших лица так уютны,
И спит дерзанье крепко, беспробудно,
Величья лик так трогательно тих,

Так выражение необычайно,
Как будто в этом летнем сне случайно
Мелькает в памяти забытый стих.

5

Мелькает в памяти забытый стих,
Обрывки песни и осколок прозы...
Вот дождь внезапно брызнул и затих,
И лишь сильнее вдруг запахло розы.

Роскошная среди садов седых
Глава собора Смольного морозна.
Но луч блеснул в узорах золотых —

С кустов дождевики падают, как слёзы.

Не бойся слёз – пусть катятся, звеня!
Сейчас не страшно сердца боль принять —
В такую ночь прекрасно и страданье.

Ничто не помешает быть собой:
Недвижен воздух, сладостен покой,
Листвы садов не слышно бормотанье.

6

Листвы садов не слышно бормотанье.
Песок дорожки под ногой хрустит,
И об ушедших днях воспоминанье
Пером гусиным ласково скрипит.

И со страниц спускается сиянье:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.